

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

Если человек, даже чрезвычайно талантливый, скажет или напишет какую-нибудь путаницу и потом будет вновь и вновь к ней возвращаться, стараясь свести концы с концами, то достаточный ли это повод, чтобы присутствующие также вновь и вновь к той путанице возвращались?

Другими словами: г. Достоевский произнес известную речь на пушкинском празднике в Москве; об ней много толковали; теперь г. Достоевский издал эту речь с комментариями в виде "Дневника писателя"; стоит ли об ней опять толковать?

Решительно не стоит. Ибо эти самые толки могут побудить г. Достоевского в ближайшем номере "Дневника писателя" опять заняться азартнейшим водотолчением, а это зрелище вовсе не приятное вообще и в настоящем случае в особенности. Толки о речи г. Достоевского и о его комментариях к ней должны, кажется, и самому г. Достоевскому очень не нравиться. В самом деле они ему только дорогу загораживают. Он сказал, например, очень уж старое слово, что мы, русские, скажем Европе новое слово. Об чем тут, спрашивается, толковать? Скажем, так скажем, а пока будем ждать, может быть, именно г. Достоевскому и суждено сказать это новое слово. Не лучше ли же предоставить ему полный простор, не задерживать его в прихожей комнате нового слова возражениями против пророчества, совершенно, в сущности, невинного. Если бы еще г. Достоевский перешел из области прорицаний в сферу действительности и прямо указал, что вот, дескать, в чем состоит новое слово, преподносимое нами Европе, ну, тогда другое дело, тогда было бы об чем толковать, тогда можно бы было рассуждать, действительно ли это слово новое; а если новое, то хорошо ли оно. Но ведь ничего подобного нет...

До какой в самом деле степени господ комментаторы мешают г. Достоевскому, можно видеть из следующего примера. Почтенный романист говорит, между прочим, что "для настоящего русского Европа и удел всего великого *арийского племени* так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей"¹. Об арийском племени и еще где-то говорится с такою же определенностью. Сообразно этому в "Дневнике писателя" г. Достоевский шлет весьма ядовитую пику "жидам"². Это последовательно. Если бы "жиды" принадлежали к великому арийскому племени, то г. Достоевский не сказал бы об них ничего ядовитого, ибо мы, русские, призваны не к ядовитостям насчет инородцев, а, напротив, к братскому воссоединению людей. Однако этот "удел" наш, по мысли г. Достоевского, не простирается за пределы великого арийского племени, а так как "жиды" -- семиты, то им можно всякую пакость сказать и учинить. Мысль очень оригинальная, но несколько невыясненная, да и то, собственно говоря, не выяснены самые пустяки, а именно причины ограничения нашей всемирности арийским племенем. Немножечко бы еще подождать, предоставив г. Достоевскому возможность беспрепятственного размышления среди всеобщего благоговейного молчания, и он, разумеется, все это уяснил бы сначала самому себе, а потом и остальному человечеству. Но вот выскакивает "Берег" с неудержимым стремлением наложить на "Дневник писателя" клеймо своего сочувствия и в *подтверждение* (заметьте!) идеи г. Достоевского излагает следующее: "Без этой объединяющей, умиротворяющей силы разве ужился бы наш народ со всеми теми разнообразными племенами, которые как кольцом окружают его со всех сторон. Находясь в центре, русский одинаково дружит и с финном, и с эстом, и с литовцем, и с цыганом, с черкесом, киргизом, калмыком, китайцем, чукчей, самоедом, лапландцем, со всеми, одним словом, народами и народцами, которые окружают его или живут среди его, как, например, татары, евреи, немцы" ("Берег", 17 августа). И выходит простое, самое заурядное хвастовство, во-первых, а во-вторых, извращается оригинальная мысль г. Достоевского, который финнов, евреев, татар, чукчей и прочих, не принадлежащих к великому арийскому племени, вовсе не имел в виду и всегда, может быть, готов даже собственноручно им какую-нибудь пакость сделать во славу Божию. Какая же это, спрашивается, помощь или поддержка г. Достоевскому? Никакой помощи нет, а только с толку мыслителя сбивают, не дают ему обдуматься и высказаться. Насчет инородцев неарийского происхождения у г. Достоевского есть, очевидно, особое мнение, за гениальность